

МАРК
КАЗАРНОВСКИЙ

ЧЕМОДАН
ИЗ МУЗЕЯ
ПАРТИЗАНСКОЙ
СЛАВЫ

Марк Яковлевич Казарновский
Чемодан из музея
партизанской славы
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42601699

Чемодан из музея партизанской славы / М.Я. Казарновский: Алетейя;

Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907115-26-2

Аннотация

Пятнадцатая по счету книга Марка Казарновского посвящена талантливой семье, проживавшей в одном из еврейских местечек Польши. Автор показывает, как его герои проходят через самые страшные годы XX века – Вторую мировую войну. Здесь и польское гетто, и борьба за выживание, гибель и месть. Автор также коснулся той части семьи, которой удалось выехать из пылающей Европы. Конечно, книга и о любви. Ибо она и только она приносит счастье.

Книга читается легко, хотя описание времени жизни в гетто, трудности, с которыми столкнулись спасавшиеся старики и дети в лесных лагерях, бои партизан – нелегкое чтение. Но тем оно и

интереснее, и мы уверены, что многое в книге – не плод фантазии автора.

Содержание

Благодарности	7
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	17
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	42
Глава VIII	53
Глава IX	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марк Казарновский

Чемодан из музея партизанской славы

Будьте добрее, когда это возможно.

А это возможно всегда.

Далай-лама XIV

Данцин Дзамцо

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, поляки, ваши евреи?
Где торгуют они, где бреют,
Лечат, учат, флиртуют, стареют,
Проезжают в автомобиле?
Почему вы их всех убили?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, литовцы, ваши евреи?
Где такие ж, как вы, крестьяне —
Те, кого вы толкали к яме,
А кто прятался на сеновале —
Тех лопатами добивали.
Между сосен, янтарных кочек
Не положите им цветочек?

Ах, скажите, скажите скорее,

Где, французы, ваши евреи? —
Адвокаты, врачи, кокетки,
Дети с вашей лестничной клетки,
Те, которых вы увозили
Ранним утром – не в магазины —
К черным трубам, стоявшим дыбом,
Чтоб соседи взлетели – дымом.

Ах, беспечные европейцы,
Эти желтые звезды, пейсы,
Полосатых призраков стаи
В вашем зеркале не растаяли.
По ночам в еврейском квартале
Ветерок шелестит картавый.
Как вам дышится? Как вам спится?
Не тошнит ли вашу волчицу
С бронзовеющими сосцами?
Подсказать? Или лучше сами?

Татьяна Вольтская

Благодарности

Моей жене Элеоноре Кузнецовой. За общее руководство и умеренную критику.

Ирине Володиной за подбор фото материалов и общую компоновку тома.

Ольге Орловой за перевод ряда фраз с идиша на русский и финансирование проекта.

Всем друзьям во Франции и России, которые старались направить меня на правильный путь литератора.

Глава I

Городок

Городок, или штеттл, или местечко находился неподалеку от Варшавы. То есть, в России, ибо вся Польша, Речь Посполитая, была княжеством Польским в короне государя императора Российского.

Правда, времена меняются, и городок то вдруг неожиданно становится польским, то снова русским, а в описываемые, страшные прямо годы, был практически немецким.

Во все эти времена пертурбаций население городка (нет, судя по курам, гусям, мычанию коров и прочим звукам «колхозной» жизни называть его все-таки стоит местечко, или штеттл), так вот, население городка во все эти перемены или перевороты что-то новое для своей жизни получало. Ибо население было в основном хваткое, юркое, все понимающее и до крайности энергичное.

И с утра до вечера на вокзальной площади неслись уговоры купить яйца, или булки, или лепешки-драчены или, наконец, вареную курицу. И при Российской империи так было, и при панской Польше и... нет, вот при неметчине так не стало. Ибо немедленно и в одночасье исчез из штеттла сам народ.

А значит, исчез и сам городок.

Но пока он живет. Война 1914-1917 годов пролетает его стороной. Социалисты-марксисты не пользуются уважением.

Даже, скажу по секрету, Ленин, что в Порошине обосновался, был совершенно не интересен местным. Ибо люди были простые. Чтили Бога, любили детей, уважали жен своих. Конечно, боготворили маму. Да и в какой стране живут иначе. Ни в какой. Разве только в иных больше внимания уделяют пиву или водке. Но не в нашем местечке.

В нашем местечке люди работают. Вот, в газетах все пишут, мол, евреи – это ростовщики, банкиры, капитала у них куры не клюют и все они занимаются какими-то банковскими процентами и филантропией. Так вот, скажу вам, дорогой читатель, ничего такого в городке-местечке сроду не водится. И ни разу не видел житель городка ни ростовщика, ни банкира, ни филантропа.

Зато видел много работы, орду своих чумазных детишек – от Файтла до Боруха аж шесть человек, да две дочурки, что едят один бублик с маслом. И не ссорятся, а откусила одна – на и тебе, Фейгеле, откуси и ты.

Правды ради – в шинок народ заглядывал. Но редко, когда уж совсем уставал. Вот портрет среднестатистического рабочего местечка.

В картузе с треснутым козырьком, в поддевке, которую чистили только по великим праздникам, с нечесаной бородой и никогда не отмытыми от тавота да обручей рука-

ми-труженицами.

Да и женщины. Конечно, далеко не все. Девчонки местечка – огонь. Как говорят, посмеиваясь, мужчины в шинке, такие у нас в местечке девчонки, что тухесом¹ орехи колоть можно. А у женщины-хозяйки голова орехами, извиныте, не забита. Забита оравой, которую нужно кормить. Да гусей-утей нужно обиходить. Да зелень-петрушку к столу подать. Да вот в лампе-трехлинейке стекло лопнуло. Нужно старшего в керосиновую лавку послать, стекло купить да керосину. Ведь вечером отец с Борухом хоть коротенько, но Тору читают. А младшие в это время, пользуясь светом, быстренько листают «Трех мушкетеров». Откуда только русскому выучились. И маме, чего греха таить, интересно, что же там этот хулиган Дартаньян с миледи сделал.

Нет бы сидеть у отца в именье. Знать, и слуги были, если лошадь была. Н-да, жили же люди где-то в Европах.

Правда, под конец своих мыслей о разном, в основном о миледях да молодой Бонасье, приходила мама к выводу, что и у них не хуже, чем в ихних Парижах. Особенно весной. Когда солнце так и заливает все местечко, гуси кричат что-то свое, петух им отвечает со всей своей жесткостью. Еще бы, сохрани-ка всех курей, их еще и покормить нужно. Ну и, знамо дело, извиныте, «покрыть» тоже необходимо. Кто яйца то нести будет.

Вот так и шла размеренная, несмотря на кур да гусей,

¹ Тухес – попа (идиш).

жизнь местечка. На всех улицах и во всех домах. Почти одинаково. Что вы хотите – местечко, оно и под Варшавой – все равно – местечко. Трудовое, одним словом.

Глава II

Чем живет местный еврей

Это даже по улицам видно. Местечко нет, не банкирское, не ростовщическое. А рабочее. Улицы – что? Да, грязноваты. Есть и лужи. И хозяйки разные отходы в колеи выбрасывают. Весной – проехать мало есть возможности. То есть, ехать надо. Но и в грязи вывозишься по самые что ни есть ступицы колес телеги. Потом отмывай.

Такие улицы.

От вокзальной идут они, улицы трудового народа.

Первая, самая широкая, Кузнечная. Значит, работают кузнецы. С утра до вечера звон, шум, стук молотков, грохот телег – обода на колеса.

И кузнецы под стать работе – загорелые, здоровые. И очень не прочь и «об рюмку водки», и кому надо – в ухо.

Заправляет всей улицей Шлойме. Или, правильнее – Шлойме-каторга. Да, побывал в Сибири. Так, пара пустяков, на рынке задрались с крестьянами, ну, Шлойме одному неудачно по голове и засадил. Кулаком. И что вы думаете, Таки всё. Крестьянина – в ледник, все ж таки лето. Шлойме – в холодную. А тут – как на грех, из Варшавы какие-то чины прибыли, смотреть, как в городке-местечке власть российская действует. Вот и эта власть, на удивление всем, ока-

залась в нужное время в нужном месте. В общем, Шлойме загремел по полной, хоть кузнечная улица и намекала полицмейстеру открытым текстом, мол, сколько надо, столько и соберем. Да в неудачный момент Шлойме этого крестьянина хлопнул. Уж пристав так кручинился, так тосковал. А сделать не мог ничего. Это называется в России – ревизия.

Ну да ладно. Шлойме свое каторге отдал и теперь снова первый в кузнечном деле. Что подковать, что плуг справить или шкворень отлить.

Правда, каторга – хорошая школа. Жизни. Много разного Шлойме вынес: и какую материю нужно подкладывать, чтобы кандалы щиколотки не терли, и как в субботу не работать, но и под розги не попасть, и ежели достанешь из соляной шахты расчлененку (труп), то как скрыть бадейку с солью и трупом от стражников.

Параллельно с кузней шла Сапожная улица. Узкая. Она и почище, и грязи поменьше. Правда, запах от кож, особенно которые подгнивать начали у неумех, так шибал, что иной клиент начинал думать, прежде, чем в мастерскую зайти.

Но нужда, как говорится, пуще неволи. Шли. И заказывали. Сапожники, хоть тоже шинок не пропускали, но дело знали отменно. И народ в их сапогах, туфлях, ботинках или полуботинках – ходил, что и говорить. Особенно, когда обувь получалась от первого, можно сказать, мастера улицы – Моисея Пекарского с сыном Ароном.

Далее лучами расходились другие улицы. Например –

Рыбная улочка. Сами понимаете, на ней в основном были селедочные лавки, но запах от этого на улице лучше не становился.

В общем, уважаемый читатель, можно представить аромат штеттла, или городка.

Но – грустить не надо. Были и клайзмеры². И танцы. И свадьбы. И праздники.

Вот подходят пасхальные дни. Весна, весна. Солнце уже жарит вовсю и народ местечковый готовит дома свои для счастливого праздника.

Из домов вытаскивают скарб, чистят, выбивают из перин пыль и клопов – заодно. Клопы недовольны. Шкафы проветриваются и протираются тряпками, смоченными в керосине. Протираются стены, а наиболее ретивые еще и белят их.

Все к торжественному дню, вернее – вечеру, когда все, вся семья и любой пришедший, собираются на Седер³.

Вот уселась вся семья. Глава читает кадэш⁴. Затем трапеза по вековым традициям. А у ребят одно – дожждаться Моци-Маца⁵ – поедания мацы. И главное затем для ребят (да и всех остальных) – это шулхан-орех⁶ – «разгром» пасхального стола. И конечно – вино!

² Клайзмеры – музыканты (идиш).

³ Седер – торжественный пасхальный ужин.

⁴ Кадеш – освящение, благословение.

⁵ Моци-Маца – поедание мацы.

⁶ Шелхан-орех – поедание всего, что на праздничном столе.

Этот праздник делает светлыми лица изможденных рабочих. А солнце ярко освещает будущих невест. Эй, парни! Смотрите, не зевайте, может мимо идет твоя суженая. Конечно, с мамой.

Глава III

Базар

И второе, что в городке всегда приводит народ в ажиотацию, а местных крестьян – в большое волнение – базарный день. Что всегда по пятницам, по утрам.

Вот и везут на привокзальную площадь окрестные крестьяне кур, уток, гусей. А ягода-малина! А масло, сметана, творог, яйца, сыр. Да и местные жители не отстают. Здесь и пирожки, и кнейдлах с медом, и шейки фаршированные. Конечно, и гефилте-фиш⁷. Котлетки куриные, да с чесноком. Подходи, евреи, не жмитесь. До пришествия Мессии еще далеко, а жизнь – одна. Торопитесь.

Особняком на базаре изделия местных. Уж тут Шлойме-каторга своего не упустил. Вилы, бороны, обручи, подковы, уздечки и прочая утварь, нужная в хозяйстве – все шло в ход. Все торговалось, спорило, ругалось, покупалось.

Но – не везде.

Совсем отдельно в относительной тишине на свежесколоченных лавках находился товар вот какого свойства – чемоданы. Да не только. Здесь также были сумки, кошельки, для модниц различные сумочки через плечо. Глаза разбегаются.

⁷ Гефилте-фиш – фаршированная рыба

Глава IV

Становление капитала по Марксу

Но расскажем поподробнее.

Одна из улиц, вернее – улочек, так же бежала от площади к речке. По ней не часто ездили – она и заросла по бокам травкой. Нет, хорошая была улочка.

Звалась он – Чемоданной, а больше называли ее проще – проулок Фишмана. Ибо на улочке на самом деле главную роль играл Йозеф Фишман. Или просто, по-нашему – Йося. Но это до поры. А когда он стал тем, кем стал, то звать его уже стали весьма уважительно – реб Йозеф. Во как!

Фишман – кстати, что за фамилия. Когда нам, евреям, давали власти (чтоб им жить долго, но не с нами) фамилии, то, верно, дали рыболовам, что разводили карпа в прудах, фамилию Фишман. Вроде все правильно. Или, например, Запрудер. Делает запруды для бобров, вот и стали у Радзивиллов одни евреи Запрудерами, а другие – Фишманами.

Но Фишман неожиданно рыболовному и рыбозаводному делу изменил. Конечно, понять можно. Сиди на ярмарке с корытом карпа. А жара. А духота. Пыль. Карп начинает «засыпать», а к вечеру, коли не купили, то карпа – выбрасывай, и гешефта нету никакого. Только запах. Как в старом анекдоте: гость, как свежесловленная рыба, на третий день на-

чинает пахнуть.

Поэтому решили на семейном совете, побывав в Варшаве и даже в Берлине, заняться постройкой чемоданов.

Фишманы – народ быстрый. Два сына мечтали быстренько хедер⁸ закончить и броситься в омут бизнеса. То есть – гешефта.

А может и купить шифткарту⁹ да рвануть за океан. Хотя большой воды, кроме благословенной Вислы, еще не видели.

Вот так и образовалась маленькая фирма «Фишман и сыновья».

А откуда деньги? Да все просто. Все металлические детали – пражки, скрепы, гвоздики, ленты бронзовые и другое, очень нужное в чемоданном деле – в долг у Шлойме-каторги. Шлойме – еврей «широкого» характера. Дает в долг не торгуясь. Проценты не берет. Все время напоминает заповеди Моисеевы: «Единоверцу в долг давай, но прибыль от брата своего иметь не смей».

Далее – все кожаные детали, конечно, у Пекарских, у сапожников. Тем более, что Фишманы младшие с Ароном дружили и вместе, бывало, прогуливались у домика местной красавицы – противной Рахильки. Кто знал, что она всем блестящим партиям предпочтет Зямку-книжника.

И так далее.

Работа закипела. Надо же! Вот что значит оказаться в

⁸ Хедер – средняя школа (идиш).

⁹ Шифткарта – вид на жительство в США.

нужное время в нужном месте. Продукция Фишманов оказалась даже очень востребована.

Вначале сундуки и сундучки разные. И все – под старину. Под век шестнадцатый или семнадцатый. То есть, основу составляла полированная сосна. Иногда, что дорого, дуб или ясень. Ах, господа, хороши были сундуки у Фишманов. Особенно с замками и защелками, изукрашенными бронзой и ключами необычной формы.

Сундуки были, конечно, перетянуты железными полосками. И еще одна особенность фирмы – по заказу, за дополнительные деньги, делали Фишманы в сундучках и сундуках потайные, секретные отделения. Зачастую настолько хитроумные, что сундук превращался в забаву: гостям его показывали и просили найти тайничок. Кто найдет, тому из гостей приз – рубль, что в том тайничке спрятан. Почти никто не находил этот желанный рубль, а Фишману реклама. Спрос, как говорится, превышал предложение.

Дальше – больше. Пошло строительство чемоданов, сумок, баулов. Для дам. Для врачей. Отдельно начал Фишман делать полевые сумки для военных – получил подряд от армии. Иногда, правда, редко, приходили по вечерам два – три молчаливых человека. Давали заказ на чемоданы. Чтобы были с разными секретами. Платили, не торгуясь. Товар забирали только в ночное время. Люди эти звались социалисты. И в порыве откровенности Йозефу Фишману говорили, что его фирму, его «лавочку» они, придя к власти, прикроют

первой. Вот такая благодарность от господ революционеров.

Постепенно, вернее, довольно быстро, «лавочка» Йоси Фишмана выросла в большое предприятие – фабрику «Фишман и сыновья». Вместо подвальчика появился большой ангар, в котором уже трудились шесть человек. Хозяин, или реб Фишман, так стали называть Йосю, продолжал там же работать. Да как иначе. Кто подберет кожи для сумок модных варшавянок. А кто соорудит полевую сумку в подарок приставу.

И порядок в ангаре был образцовый. Постепенно рядом с ангаром появился и склад. Для дерева ценных пород под сундуки и сундучки; для ткани на внутреннюю отделку сумок и чемоданов; отдел, где хранятся металлические составляющие чемоданного дела – уголки, пряжки, скрепы, замки, ключи, гвозди, шурупы, бронза декоративная; отдельно – инструментарий.

Пришлось строить еще один ангар.

Фабрика разрасталась, но, что странно, рабочие были довольны. И продукт вылетал быстро, заказчиков никто не подводил.

Реб Фишман уже начал и жертвовать: на синагогу, на лечебницу, на сирот. Да и брать начал на работу ребятишек, у которых родители умирали. Кагал местечка безмерно Фишману был благодарен и всегда приводил его в пример иным, как теперь сказали бы, предпринимателям.

А в местечке все шло, как обычно. Свадьбы, праздники,

торговля, работа, похороны. Ах, господи, время бежит и бежит.

Глава V

Тот самый чемодан

Чемодан принес в дом сам владелец и изготовитель этих нужных в обиходе вещей – реб Йозеф Фишман, фабрикант. Он поставил чемодан в прихожей, прошел по коридору, вымыл руки.

В зале тихонько позвякивали тарелки, вилки-ножи. От чугунка с тушеным мясом такой шел запах, что даже собака во дворе, что дремала в будке, вышла и на входную парадную дверь внимательно посмотрела.

У Фишманов начинался вечер.

И чемодан принялся оглядывать прихожую. Пол, отметил чемодан, натерт был отменно. Видно, мастики и воска не жалели. В углу находилось странное сооружение – полированный шест с рожками наверху.

– Да вешалка я, вешалка, – спокойно и доброжелательно произнес шест.

– Вижу, вижу, все тебе внове. По первости оно так со всеми бывает. Вон, когда меня к делу поставили, тоже было поначалу невнятно. Мол, чё все на меня вешаться начали. Ну, в смысле, одежду на мои рожки вешать. А потом даже интересно стало. Уже стала узнавать польта, да лапсердаки, да поддевки, да шубейки или накидки наших местных модниц.

Ну-у, ежели тебя в чулан не приберут, то насмотришься. Я уже привыкла, на раз узнаю шинельку гимназическую Эмиля. Это значит, он пришел к нашей Шейне-Брохе. Они вроде занимаются в зале немецким. Только и слышишь: «шпрехен» да «нихт шпрехен». А когда он уходит, Эмиль этот (тут вешалка не выдержала, хихикнула негромко), то они вон в мой угол забиваются и начинается такая возня, что меня аж шатает. И выходят из-за шуб да полът моих, вроде только «шпрехали да шпрехали». Да вот и нет. Целовались они, вот вам и весь немецкий язык. – И вешалка тихо вздохнула.

– А уж о поддевках я и не говорю. То селедкой, то луком с чесноком, то капустой – Бог весть, чем пахнут эти поддевки. На иных я видела даже, – вешалка перешла на шепот, – маленьких таких насекомых. В основном по воротнику ползали. Противные, аж жуть. Ну ладно, ты оглядывайся пока, а то я что-то разболталась. – И вешалка снова стала холодно поблескивать своим полированным стержнем.

Чемодан стал оглядываться, И не напрасно. Рядом с собой увидел он сверкающие черным лаком галоши. Это – снаружи. А внутри галош – алый бархат.

– Да, да, есть чем любоваться, – слышалось из галош. – Ян сам на себя часто смотрю, когда пол натерт. Хорош, что скажешь. Слава Богу, не часто меня использует реб Йозеф – только когда в синагогу идет. Тут уж ничего не поделаешь, стал фабрикантом – держи фасон. Да, в синагогу – либо в галошах, либо в сапогах – иначе не пройдешь.

Галоши тяжело вздохнули.

– Да, кстати, ты то кто? Только не говори «конь в пальто». Эту пошлость мы слышим часто. Ну что за глупость, где вы видели коня в пальто. Еще и галоши ему наденьте.

Было видно, что галоши не на шутку разнервничались.

Да и другие предметы в прихожей вдруг стали подавать голоса: щетки платяные, гуталиновые коробочки с черной ваксой, щетка для натирки полов и даже тубик с воском – и тот начал попискивать что-то свое.

Но враз пришлось затихнуть. Хозяин вышел, пробормотал:

– Ну, хороший мой, пойдем на семейный совет, – не этими словами чемодан оказался в светлой – от люстры под потолком – зале.

– Вот, дети мои и жена любимая, принес вам на обсуждение мое последнее изобретение – и водрузил чемодан на свободный стул.

Глава VI
Альбом № 1
Еврейские местечки
в Польше (Фото
Альтера Кацизне и др.)

Занятия в хедере. (Фото Альтера Кацизне).

Справа – синагога. Она связана подземным ходом с замком.

Одна из древних синагог Польши в Люблине.

Вывод невесты. Художник Лео Вин. Берлин.

Еврейская семья.

Уличка штеттла.

Столяр с внучкой (Альтер Кацизне).

Под Варшавой. 1927 год. Евреи организовали коммуну.

Печка и мама. Фото Альтера Кацизне.

Еврейский рынок в Ковеле.

Евреи ждут оклада. Фото Альтера Кацизне.

Музыканты в местечке (кляйзмеры).

Byale (Biala Podlaska, Lublin province), 1926

*Azrielke, the *Sabbes-klaper*. On Friday evenings he knocks on the shutters, announcing the beginning of the Sabbath.*

Азриэльке стучит в ставни – значит наступает суббота
(Фото Альтера Кацизне).

Рынок в штетле.

Жлобин. Синагога.

Otwock (Warsaw province), 1927

Otwock's next generation learns how to pour water.

[The phrase *gisa vaser*—to pour water—is also used to describe a windbag.]

А мальчишки могут и ведро опрокинуть (Фото Альтера Кацизне).

Подготовка к субботнему вечеру

Суббота наступает.

Глава VII

Куда еврею деваться, если совсем край

Семейство Фишманов на изделие папы особого внимания не обратило. Не Бог вещь какой чемодан. Делали и получше, и поярче, и легче намного. Но постепенно все стало проясняться. Когда реб Йозеф рассказал семье итоги поездки в Варшаву..

Чемодан слушал, но почти ничего не понимал. Все-таки совершенно невнятная жизнь у этих, которые не твердые, как дерево, не мягкие, как галоши, не мокрые, как лягушки. Какие же они, эти самые, непонятно, что желающие. Все вертятся, бегают, ругаются, упоминают то Гитлера (говорят – не к ночи будь помянут), то Сталина (повторяют его слова: кто вас ужинает, то вас и танцует), и суетятся, суетятся. Нет, чтобы как мы, чемоданы, в прохладном ангаре да ровным строем стояли на полках. А нежные варшавянки, улыбаясь, говорили:

– Мне, проше пана, вон тот, с медными гвоздиками. Бардзо дзенкуе.

Ну да что говорить, сейчас раз уж попал к хозяину, слушать нужно. Что чемодан и стал делать.

Но «слушать» пришлось отложить. Ибо хозяин и его се-

мейство приступили к субботней трапезе.

Чемодан очутился в легком замешательстве. Выходит, что теперь и я – еврей, – подумал он. – Хорошо, хоть мне есть и пить не нужно, а то бы намучился. – И чемодан довольно выдохнул.

А субботний вечер набирал обороты. Уже и реб Йозеф произнес благословение. И раздал субботнюю халу домашним. Затем, конечно, куриный бульон, мясо с гарниром.

В местечке темнеет быстро. Зажгли семисвечник, да и обычные трехлинейки приветливо осветили трапезную залу.

Откушали и Йозеф приступил к рассказу. Который, собственно, и касался его, чемодана.

– Слушай, Фейгеле, когда ты перестанешь греметь тарелками. Так я никогда вам ничего не успею рассказать. А есть что!

– Вы знаете, я недавно ездил в Варшаву. Договорился о поставке чемоданов, сумок и сундучков. Так что, дети мои, и работа, слава Богу, есть, и деньги придут. Ну и зашел я к пану Каминеру.

– Как, к самому Каминеру! И пустили?

– Да и не только пустили, Фейгеле, а еще и кофе с паном выпили, во!

– Что ты, Йося, пил кофе с самим Каминером?

– Если думаете, что нет, то таки да. Более того, он мне лично дал заказ – три больших сундука. Без полировки. Но с хорошими замками и секретками. Так что, Фима, имей в ви-

ду. И плюс пять чемоданов. Самых что ни есть невзрачных. Ну – скажем, деревенских. Вот так вот, побывал я у Каминера. Заказ хороший, вы видите, дети мои, получил. Но не это главное.

А главное подошло, когда он сигару закурил. Вонь, прости Господи, страшная, но что мне, я в гостях. А в гостях любой запах стерпишь. Почему, спросите вы? Да потому что я-то уйду скоро, а хозяева в этом останутся. Чтоб они были здоровы на долгие годы.

В общем, я конечно, так вежливо спрашиваю:

– А что это пан Каминер такой задумчивый. И заказ делает, как на переезд. Уж вам-то, пан, куда уезжать от вашей адвокатуры.

А Каминер щурится так, будто плакать хочет, но держит слезу у носа, как говорят. Так вот. Вдруг распорядился пан принести ликеру. Мааленькие такие румочки. Вкус! У Господа Бога нашего, я думаю, такого не пьют. «Куантро» называется.

Мама наша сразу встряла:

– А ты знаешь, что ТАМ пьют? Ты совсем, Йоселе, после поездки сбрендил.

– Ах, помолчи ты, Фейгеле, неразумная моя. Нет, не пил там, но предполагаю.

Ну, пан Каминер мне и говорит:

– Реб Фишман, скажите, я похож на идиота?

– Что вы, что вы, пан Каминер. Как можно так думать

о главе адвокатской гильдии в Польше. Да ведь ваше имя на слуху у всякого мало-мальски умеющего читать. А ваши процессы! А ваши речи! Как вы такое могли даже подумать, пан Каминер.

Это я ему говорю. А он неожиданно мне и предлагает.

– Знаете что, реб Фишман. Ведь вас зовут Йозеф. А меня – Лео. И почему мы, два вовсе не последних еврея, не перейдем на «ты».

– Да с удовольствием, Лео, – отвечаю я самому Каминеру! А! Понимаешь, Каминер сначала и меня стал звать «Йозеф», а уж когда мы бутылку этого небесного ликера допивали, то просто «Йося».

– Слушай, папа, – не выдержал старший сын, Фима, – бекицер¹⁰. Что ты нам бейца¹¹ крутишь. Так скажи, наконец, в чем дело.

– Ой, Фейгеле, ты посмотри, кого мы вырастили. Его мои бейца, видите ли, раздражают. Объясни этому оболтусу, что без бейц моих и тебя, Фима, и Боруха и девочек не было бы.

Раздался хохот. И Фейга, и реб Йозеф – хозяин и даже чемодан – все смеялись до слез. Как надо мало в местечке. Чтобы или рыдать от горя или смеяться до слез.

Но что говорить – местечко!

– Так вот, Каминер подходит к делу, как настоящий мастер. То есть – постепенно, и говорит:

¹⁰ Бекицер – короче (идиш).

¹¹ Бейца – яйца (идиш).

– Я слежу внимательно за ситуацией как у нас в благословенной Речи Посполитой, так и вокруг нас. Что делается у прибалтов, и в Румынии, и в Германии. Даже СССР, то есть, республику рабочих и крестьян, не выпускаю из виду.

И что меня в других странах интересует, как ты, реб Йозеф, думаешь? Ежели за твои чемоданы, так нет и нет, не обижайся. И конъюнктура рынка, даже валюты, меня не особенно волнует. Слежу, но не так, чтобы.

А вот еврейские дела меня таки очень интересуют. Почему, спросишь? Отвечу! Потому что, сколько тысяч лет мы живем, столько нас и бьют. Везде и всегда! И нам, евреям, понятно, что продолжаться так долго не может. Рано или поздно, но наш еврейский вопрос будет решен окончательно.

– Что это значит, пан Лео?

– Значит это очень просто. Окончательно, значит конец придет нашему народу в этих Европах. Совсем конец, нас просто не будет. Ни в Польше, ни в Румынии, ни в Белоруссии, ни в Прибалтике. Нигде и ни-ког-да! И скоро. Не успеешь оглянуться, увидишь, как мы бредем все, весь народ. Впереди – пропасть. И мы туда все вместе шагаем. Все и безропотно.

Каминер так разошелся, что даже горничная, или кто она там, выглянула. А пан Каминер такие слова сказал, так рявкнул, что она только пискнула и исчезла.

– Ну так вот, я решил съездить в Германию. Узнать прямо, что там происходит. Ибо ты ведь знаешь, Йозеф, что ста-

ла она национал-социалистическим государством немецких рабочих.

Вот как интересно, хе-хе. С востока у нас социалистическое государство рабочих, то есть, СССР, а с запада – тоже социалистическое государство. И тоже рабочих. Кажется, живи и строй равное, честное, доброе государство. Ан нет, в одном месте у них свербит. Им, видите ли, мы мешаем жить и строить будущее.

СССР очень хочет светлое будущее построить, и чтобы, как они говорят: у всех отобрать и всем поделить. Поровну. Только вот мы им путаемся под ногами. Вот так. А Германия хочет тоже все отобрать, но почему-то только у евреев.

Я жил в Берлине три месяца. Увидел очень многое. И мне, как юристу, стало ясно, что дело в Германии идет к полной ликвидации евреев.

Привожу примеры. За время правления Гитлера жизнь евреев в Берлине и в целом – в Германии – превратилась в сущий ад. Все наши были неожиданно лишены гражданства. Нет ни одной правовой нормы, уж ты мне, Йозеф, поверь, которая могла бы быть применена к евреям Германии. Да, для евреев в Германии законов нет. Детей-евреев изгнали из школ, еврейские магазины подверглись бойкоту, появился запрет на профессии. Разгромили синагоги.

Анализируя обстановку к 1938 году, я сделал доклад перед Общиной Берлина. Поверь мне, Йозеф, странное было мое выступление, а я уж выступал в разных ситуациях.

Необычность заключалась в том, что Община выслушала меня в полном, гробовом молчании. И разошлись, как после похорон. Да так оно и было. Евреи вдруг все поняли и хоронили в этот скорбный час сами себя.

И еще, Йозеф, на что необходимо обратить внимание. В Берлине у меня была одна очень интересная встреча с немцем, который работал в ихнем Министерстве иностранных дел.

Я в свое время был в его процессе в Польше по случаю отторжения его земель и замковых построек. Конечно, подмазал кого и где надо и дело выиграл. А немец оказался человеком, который добро не забывает. Он меня вытащил на прогулку по какому-то парку и сказал:

– Пан Каминер, во-первых, долг платежом красен. Во-вторых, вы – человек, способный анализировать ситуацию. Я ее вам сейчас нарисую, а уж правильные выводы, я думаю, вы сделаете.

Сейчас конец 1938 года. А в 1934 году Польша заключила пакт о ненападении с Гитлером. В 1924 году был заключен интересный договор франко-чехословацкий о дружбе и военном сотрудничестве. Интересен он тем, что в 1935 году он был дополнен советско-чехословацким договором о взаимной помощи. Но на самом деле произошло другое. Захват Чехословакии, которой Польша не помогла никоим образом, колоссально усилил наш рейх. И не сегодня, так завтра Гитлер на Польшу нападет. Её поражение безусловно неминуе-

мо. И что тогда делать миллионам евреев Польши?

– Бежать, – ответил я.

– Я оставляю все на ваше мудрое усмотрение. Учтите, времени у всех – очень и очень немного.

– Всего вам доброго, пан Каминер.

– Вот потому я и заказываю у тебя сундуки-чемоданы. И бегу! И тебе советую. Просто прошу понять – ни тебе, ни твоей семье жизни в Польше не будет. Решайся. И быстрее.

Я хочу тебе еще раз сказать – жить в Европе при Гитлере – исключается. Мы уезжаем. Пока в Мексику. Потому что в Америку из Мексики – все равно, что из Варшавы в пригород.

С этими словами мы расстались.

Вот на этом месте реб Йозеф рассказ прервал и предложил выпить чая.

Чай выпили в почти полной тишине. Только вешалка шуршала шинелькой младшего Боруха, да тихонько скрипел чемодан.

А варенье к чаю, кстати, было клубничное. Да еще с кислинкой крыжовник. В общем, семья Фишманов от этого, вообще-то страшного рассказа, потихоньку отошла, как-то отмякла. Хотя главное было впереди.

Главное – это решение реба Фишмана, как мы не раз говорили, владельца фабрики чемоданов, сумок, сундуков и другого, нужного в обиходе товара.

А решение произошло вот какое. Ехать! Долго рядили –

куда. Прибалтика не подходила – все давно знали, что представляют из себя, например, литваки, хоть в Вильнюсе еврей-то было предостаточно. Румыния тоже абсолютно не годилась. Оставался СССР. Но, во-первых, попробуй попади легально. Да и дело там открывать нельзя. Все ведь народное. Поэтому народ и не работает, как надо.

Решили ехать в Мексику, как адвокат Каминер, а оттуда уж сам Бог дорогу укажет.

И ехать в составе: ребе Фишман с супругой и хулиган Борох, гимназист. И девочки. А Фима, как старший, приводит хозяйство в порядок. То есть, продает фабрику, переводит в Швейцарию деньги и богатый и счастливый едет уже в Америку. Ибо шифт-карту уж папа Фиме обязательно пришлет.

Затем реб Йозеф вызвал Фиму в другую комнату, плотно прикрыв дверь.

– Посмотри на чемодан. Вроде обычный. Но! Уголки можно вытащить и вот что получается.

С этими словами Фишман старший положил руку на угол чемодана, повернул ладонью и вытащил уголок с острым лезвием.

И таких лезвий четыре, по количеству уголков. Затем посмотри секретное дно.

– Ну, дно как дно. Их мы в каждом втором делаем, – заметил Фима.

– Да вот и нет. Есть еще второе дно. И смотри, чем я его начинил.

На самом деле, второе дно найти было почти невозможно, а открыть и подавно трудно. Но открыв с помощью отца, Фима увидел плотно уложенные в специальные пазы золотые десятки государя Николая II. В этих же пазах поблескивал несколько бриллиантов. Большой, кстати, цены.

– Если, не дай Бог, что случится, они лишними не будут. – И реб Фишман довольно улыбнулся.

– Ладно, спасибо за заботу, папа. А может и обойдется с немцем-то. Когда вы начинаете собираться? – Фима провел рукой по неказистому боку неприметного чемодана и легонько надавил уголок. Он тут же повернулся и в руке Фимки оказалось хорошо заточенное стальное жало.

– Ну и ну, вот это игрушка, – только и промолвил он.

– Нам собираться не нужно. Уезжаем мы завтра. И с собой ничего не берем. Там, на месте, из Цюрихского банка затребуем. А ты не теряй время. Фабрику продавай не торгуясь. Рабочим оплаты за два месяца, а женщинам, у кого дети – за три. Синагогу не забудь. И быстрее, торопись! Торопись! И не верь немцам. Я верю Каминеру. Гибель от них идет. Смерть марширует!

С этими словами реб Фишман обнял Фиму, вытер глаза и вышел из комнаты.

Утром они уже грузили скудный скарб на пролетку. Фимка в этот же день провел переговоры с двумя польскими предпринимателями. Фабрика ушла махом, тем более, что дело было поставлено с большим умом. Решили даже назва-

ние оставить прежнее: «Чемоданы ребе Фишмана с сыновьями».

Фима деньги в Швейцарию перевел и больше ничего не успел. Не узнал, где и как обосновались папа с мамой, Борухом и девочками. Не получил ожидаемую шифткарту в благословенную Америку.

Ничего не успел Фима. В местечко вошли немецкие войска.

Глава VIII

Альбом № 2

Нападение Германии на Польшу

Польские танки 7ТР входят в чешский город Тешин (Цешин). Октябрь 1938 года

Захват Польшей части чешских земель. 1938 год.

Рукопожатие польского маршала Эдварда Рыдз-Смиглы и немецкого атташе полковники Богислава фон Штудница на параде Дня независимости в Варшаве 11 ноября 1938 года. Фотография примечательна тем, что польский парад особо привязывался к захвату Тешинской Силезии, произведенному месяцем ранее.

Гитлер подписывает документ о начале войны с Польшей.
1939 год

Министр внутренних дел Польши Бек прибыл к Гитлеру
Обергоф. 1938 год

Немецкие войска вступают в Варшаву. 1939 год

Немецкие солдаты ломают польский приграничный шлагбаум.

Немецкие танки входят в Польшу.

Солдаты польского гарнизона Вестерплатте в немецком плену.

Улицы Варшавы после бомбардировки 28. 09. 1939 года.

Польские парламентарии при сдаче крепости Модлин.

Немецкие пикирующие бомбардировщики Юнкере Ю-87 (JU-87) в небе Польши.

Казнь немцами польских граждан. 18 декабря 1939 года у польского города Бохня расстреляно 56 человек.

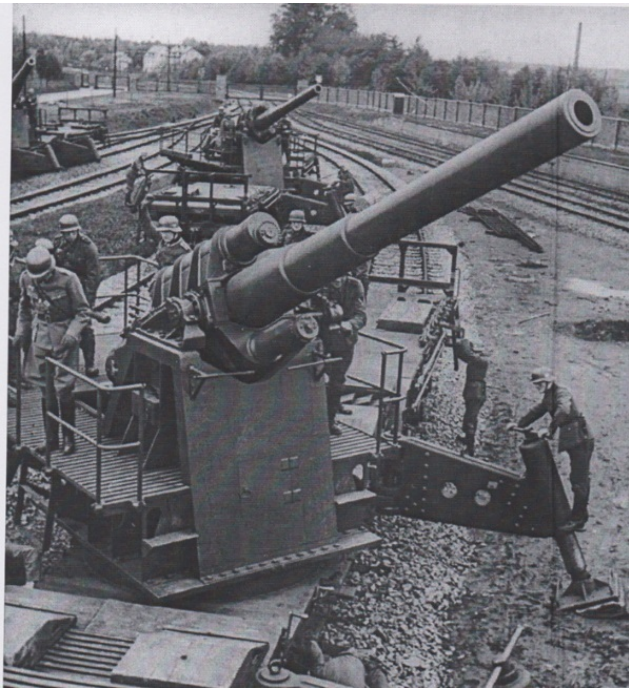
Польские военнопленные на обочине дороги.

Колонна польских военнопленных проходит через город
Валуби.

Герман Геринг и карта Польши.

Артиллерийские расчеты немецких 150-мм железнодорожных пушек готовят орудия к открытию огня по противнику во время польской кампании.

Польский мирный житель у руин домов.

Немецкие пленные конвоируются польским офицером.

Обсуждение условий сдачи в плен. 1939 год. Польша.

Глава IX

Гетто

(Рассказ Фимы Фишмана)

Войска я заметил только на второй или третий день. С утра до ночи возился с ликвидацией. Бог мой, сколько бумаг. И вдруг враз все кончилось.

Ко мне пришли уже новые владельцы фабрики и потребовали назад деньги. Мол, фабрика переходит к немцам, она национализирована.

Но денежки тю-тю, уже ушли в Швейцарию. Банк, Swiss bank, мне подтвердил, вся сумма зачислена на депозит. Полдня я разъяснял этим недотепам, что ничего сделать не могу. Не я вызвал этих немцев. Не я мою любимую фабрику отобрал у новых владельцев.

В общем, мы поругались, и польские господа аж из Варшавы доходчиво объяснили мне, что я, жид из жидов и жидом погоняю, так вот еще поплачусь. Это первое. И второе – не попадаться бы мне им на глаза никогда. С этими словами один из новых владельцев фабрики, пан Збышек, схватил меня за рубаху. Здоровый, видно, был этот пан. Рубаха так и затрещала. Но я оперся на уголок чемодана, и рукоятка с острым жалом сама легла мне в руку. (Бог мой, благослови папу, что подумал обо всем).

Паны как мой этот штык увидели, то сразу быстренько отошли назад и заявили, мол, поквитаются еще с жидовской мордой – это со мной – а сейчас просто руки марасть неохота. Вот так мы и расстались.

Мне то что, а вот поляки были совершенно недовольны. Да я ни при чем. Просто успел. Многие же не успели.

А уж подходя к дому, увидел объявления. Их было несколько, и я позабыл текст вовсе. Но понял, что еврейское, то есть жидовское население местечка обязано переселиться в район скотопрогонных переулков и там получить жилье. Кто не выполнит требование генерал-губернатора – то просто и коротко – расстрел.

Я взглянул на дату и обмер. Оказалось, что переселяться нужно было еще вчера. А сегодня, пожалте вам, «эксзекутирен». Поневоле заговоришь по-ихнему. То есть, по-нашему. Недаром нас в хедере учили, что немецкий язык – это исковерканный идиш.

Ну да сейчас не до языка. Это потом великий вождь всех времен, то есть, Сталин, придумал и «базис», и «надстройку». И что академик Марр – просто нехороший, недоумок, и все.

Нет, нет, сейчас мне нужно спастись. Утешило, что соседи мои тоже бегали с детьми, вязали узлы. И сказали мне, что управление генерал-губернатора пошло навстречу жидовскому населению, которые «орднунг»¹² не понимают в си-

¹² Орднунг – порядок (нем.)

лу национальной, генетической бестолковости, и продлило переселение в гетто еще на три дня.

Слава Богу, подумал я, меня расстреляют еще только через три дня. Бухнулся на кровать в моем родном доме и сразу заснул. «Морген, все морген»¹³, мелькало у меня в голове.

Утром я даже не мог вспомнить, что мне снилось. Только запомнил, как чемодан, что папа мне передал, вдруг сказал мне – не бросай меня, я тебя спасу.

Я побросал в чемодан ремешки, пряжки, клей, шило, скрепки, гвоздики медные, надфили, лобзики, пилки. Пару рубаш, свитер и кальсоны, и отправился на переселение. Документы на дом, правда, взял с собой. Уверен был, что вернусь.

И отдал ключи назначенному кем-то начальнику участка. Да мы все его и знали, при полиции был квартальным. В праздники

к нам приходил обязательно. Выпить рюмку водки и получить монету в потную ладонь.

Сейчас эта ладонь получила ключи от нашей квартиры.

¹³ Морген – утро (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.